

А.В. Манин-Уралец

**Героика.
Социализма
исторический
закон. Том 2**

А.В. Манин-Уралец

**Героика. Социализма
исторический закон. Том 2**

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Героика. Социализма исторический закон. Том 2 / А. Манин-Уралец — «Автор», 2026

Книга «Героика. Социализма исторический закон» - это часть фундаментального историко-философского труда «Энергия социализма: 100 лет генерации труда» издания 2023 года ВОО Героев, лауреатов Государственных премий и кавалеров государственных наград «Трудовая доблесть России», включающее в себя наставнический методико-методологический курс познания истинной природы социально-трудовых явлений советской эпохи 1917-1991 годов в энергетике закономерностей и законов, формирующих и движущих систему социализма до распада Союза ССР. Генерация труда в поле социально-культурных запросов общества рассматривается сквозь историческую призму становления и развития производительных сил и использования ресурсов промышленности со времен царской эпохи с продолжением ее в советской и современной действительности. Главным двигателем социализма 1917-1991 гг. автором рассматривается Исторический общесоциологический закон Исторического потенциала советского промышленного предприятия (предприятия СССР).

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

А.В. Манин-Уралец

Героика. Социализма

исторический закон. Том 2

Книга 2 «Героика. Социализма исторический закон» - это части 3 и 4 крупного фундаментального труда, изданного в 2023 году, «Энергия социализма: 100 лет генерации труда». (Наставнический семинар выявления, обобщения и аналитики закономерностей общесоциологического Закона исторического потенциала промышленных предприятий СССР - ключа к познанию истин социально-трудовых явлений эпохи социализма советского типа 1917-1991 гг.)

Общее издание «Энергия социализма: 100 лет генерации труда» включило в себя наставнический методико-методологический курс познания истинной природы социально-трудовых явлений советской эпохи 1917-1991 годов в энергетике закономерностей и законов, формирующих и движущих систему социализма советского типа от начала его рождения до момента распада Союза ССР. Генерация труда в энергетическом поле социально-культурных запросов общества рассматривается сквозь историческую призму становления и развития производительных сил и использования ресурсов промышленности со времен царской эпохи с продолжением ее в советской и современной действительности. Созданию общей методологии и методики выдачи мгновенных точных ответов по вопросам социально-трудовых явлений в XX в. послужили самые легитимные исторические источники – многие тысячи архивных документов и написанные десятки трудов историй промышленных предприятий, давшие в обобщении и анализе эффективные инструментарины познания социальных истин в объектах и предметах исторического, социологического, философского и иных исследований. С социально-психологическим подходом вскрыты и указаны закономерности рождения социально-трудовых явлений во власти «советского рабочего права» и главный движитель социализма советского образца: «Закон исторического потенциала советского промышленного предприятия» – производство и воспроизводство наряду с выпуском продукции параллельно развитой социально-бытовой сферы с генерацией роста социально-культурных мегаполисов, зарождения городов и промышленных регионов.

Издание явилось дополнением к ряду других авторских литературных трудов, составивших в целом курс источниковедческих методик составления словарно-энциклопедических справочников из залежавшихся без дела архивных материалов, неизданных рукописей общественных организаций, подготовки словарей-гlossариев социально-трудовых явлений минувших эпох. Главными из учебных пособий являются: капитальные труды «Истина наконец нашла. - История Москвы и Московской области в историях заводов»; двухтомный «Словарь-гlossарий 10 000 слов, устойчивых выражений, смыслов и понятий эпохи СССР»; подготовленная в рамках деятельности Всероссийской общественной организацией Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий отдельная серия наставнической методической литературы, в т. ч. новый капитальный труд организации «Величие личности труда: Словарь-Энциклопедия деятельности ВОО «Трудовая доблесть России».

Часть 3

Проявление исторического потенциала промышленного предприятия в слиянии ресурсов Южного Урала и Москвы.

/Значительная часть материала опубликована в методической книге

ВОО «Трудовая доблесть России» «Словарь-гlossарий эпохи СССР»; 2021 г./

Глава 1

К историографии жилищной проблемы на заводах и роста городов

В современной исторической науке особенно важны те исторические исследования, которые способны защитить ее позиции в сфере влияния на развитие народного хозяйства Российской Федерации, на закрепление общих моральных ценностей, частного нравственного начала.

Проявляя к этим сферам естественно повышенный интерес, наша историческая наука просто обязана предъявить методы и инструментарий влияния на формирование важных социально-политических, социально-экономических и социально-культурных позитивных факторов в предстоящей истории.

Историография жилищной проблемы на заводах России также может рассматриваться как составляющая часть современного исторического потенциала заводов.

Наряду с этим всеми имеющимися научными методами, включая достижения предшественников, историк, в т. ч. в области социологии, должен быть включен в исследовательское поле построения обновленной модели всей связанной с историей современной науки. На закате советской эпохи она испытала на себе сокрушающий удар импульсом разрушительного этапа Перестройки и потоком либеральных реформ, неизбежно формируя в изменившемся настоящем не только новую модель будущего, но и новую модель прошлого. В нагромождении всего после взрыва на стыке старой и новой исторических эпох исследователь должен отделять в отчете поле зерна правды от враждебно насыпанных сорняков лжи.

Эта необходимость в условиях новой реальности вызвана неоспоримым явлением, когда в поле поиска истин фактов, событий, явлений и процессов в исторической науке исторических домыслов становится больше, чем было самой истории.

Данный фактор, со своей стороны, вызывает свою острую необходимость, цель и задачу выявления в предметах научно-исторических изысканий «атомов сущего», наиболее конечных и максимально точных величин, а вместе с тем и доминирующих исторических законов, долгое время спрятанных от глаз историков за завесой идеологической пелены и не желания примириться с мыслью, что исторические истины существуют и могут проявляться также, как аксиомы в сфере точных наук.

Требуется, возможно, и некое негласное «законодательство» в самом поле обсуждения исторической науки, некое «постсоветское научное право», в котором, по аналогии с предъявляемым в исследовании соискателем «советским рабочим правом», допустимо искать конечные величины истины социально-трудовых отношений, с социально-психологическим подходом, как на микро, так и макро уровнях.

При этом конечно, например, по И. Д. Ковальченко, «недопустимы механическое отбрасывание одних идей и методов и автоматическая замена из другими, конъюнктурно более соответствующими современному этапу развития науки. При реализации тех или иных исследовательских задач синтез и сопоставление различных подходов с целью выявления наиболее целесообразных и эффективных, в результате чего должно сформироваться соответствующее предмету исследования идейное поле. Это обусловлено объективной потребностью общества в получении... знаний, ибо без них нельзя успешно решать задачи, выдвигаемые современностью».

Или по В. М. Арсентьеву: «Конечно, в последнее время методология подвергается интенсивному переосмыслению, инициируя проявление в ее рамках новых направлений и альтернативных, порой даже противоположных, способов познания исторической реальности, и вызывая хаотичные движения в других составляющих исторического знания. Разрушение некогда стройных конструкций – процесс очень болезненный, сопровождающийся мучительным поис-

ком выхода из сложившейся ситуации, выбора нового пути. Однако очевидно то, что уже невозможно утверждать право на монопольную интерпретацию истории какой-либо одной научной теорией, должен закрепиться многовариантный подход к прошлому, способствующий углубленному познанию исторических процессов, явлений и объектов».

Прежде, чем указать на примеры интенсивного роста численности поселков заводского типа и городов в Кочкарском и Миасском районах Южного Урала с начала зарождения здесь золотодобывающей промышленности в первой половине XIX в. до 1917 г., необходимо, соглашаясь с задачей вскрыть исторический градоформирующий потенциал советского промышленного предприятия, рассмотреть одну из главных составляющих этого потенциала, как исторического, а именно то, что в досоветской ретроспективе завод не условно, а буквально являлся для основного числа работников «вторым домом», где жили годами и, вероятно, всю трудовую жизнь.

Историографию этой проблемы с точки зрения раскрытия фактов тяжелого быта рабочих в дореволюционной России, представляют так или иначе все научные исследования советских историков. В современное время это стараются проанализировать с позиций более достойных условий проживания рабочих, имеющих более широкие возможности решать жилищные условия, чем трактовалось прежде.

Так, достаточно детально, целю, с наших позиций, представляет работа «Жилищно-бытовые условия»: «Наемные рабочие капиталистической России проживали в различного рода жилых помещениях – собственных квартирах (или домиках), хозяйских квартирах и снимаемых, частных квартирах. Каждый из этих основных типов жилья имел ряд вариаций. В большинстве случаев крестьяне, порывавшие с сельским хозяйством и устроившиеся работать на близлежащую фабрику или завод, имели свои дома (избу в деревне).

Квалифицированные рабочие, трудившиеся продолжительное время, могли накопить средства и приобрести небольшой домик в поселке или на окраине города. Но таких рабочих было немного.

Хозяйские квартиры были довольно разнообразны по своему типу и достоинствам. Такой «квартирой» могло быть место в рабочем помещении, место в общей казарме, каморка (в которой нередко проживало несколько семей), собственно квартира или даже небольшой домик (или его часть). Лучшими жилыми хозяйскими помещениями пользовалась лишь небольшая часть рабочих, находившаяся на привилегированном положении. На начальной стадии промышленного развития, а позднее в заведениях с широким применением ручного труда, прежде всего, в кустарных, довольно распространенным явлением было проживание рабочего непосредственно в производственном помещении.

Для развивающихся промышленных районов, центров и поселков, где недоставало местных рабочих рук, а также для предприятий с пониженной оплатой труда (прежде всего текстильных) было характерно предоставление предприятием жилого помещения рабочему (квартиры, каморки, места в общей казарме, места непосредственно в рабочем помещении)... наконец, частными квартирами являлись снимаемые у домовладельцев или квартирохозяев койка, угол, комната, квартира; им чаще всего пользовались рабочие издавна сложившихся промышленных центров, а также предприятий ведущих отраслей производства – металлургической, металлообрабатывающей и др. в 60-90-е годы XIX в.

Часть промышленных рабочих вынуждена была ночевать непосредственно в мастерских. Специальных жилых помещений в конце 60-х годов не было у рабочих большей части заведений Казани и они спали, где попало – на полу, на верстаках, не имея кроватей и даже постелей. Через двадцать лет положение, видимо, мало изменилось, и санитарные врачи города констатировали, что многие рабочие спали «на месте свих работ... где находятся станки». Аналогичная картина наблюдалась на большинстве винокуренных заводов Киевской губ. Рабочие этих заводов спали где попало, а в холодное время года – обыкновенно на паровике или возле

него». В трех из шести рапортов уездных исправников Московской губ. За август-октябрь 1971 г., подготовленных в связи с предписанием губернатора представить сведения о положении рабочих, отмечалось, сто рабочие, проживавшие при некоторых фабриках и заводах, ночевали непосредственно в рабочем помещении...»

На Южном Урале положение по жилищному устройству рабочих было, конечно, почти таким же, с той разницей, что золотодобытчики, не занятые на золотоизвлекательных, аффинажных фабриках и заводах, а на дистанциях, если было далеко от дома долгое время жили в общежитиях-казармах или в индивидуальных, в зависимости от сил и средств отстроенных домиках, которые могли разбираться и перевозиться на новое место золотопромысловой дистанции прииска.

В любом случае понятие «работа- второй дом», «фабрика – второй дом» или «завод – второй дом» имели под собой большой смысл, а иные, не исключено, имели в жизни только этот один дом: любая доступная возле цеха ночлежка.

В 1897 году из 265 тысяч рабочих Урала и Приуралья проживало на предпринимательских квартирах 30 процентов рабочих, а на собственных и снимаемых – остальные рабочие. Распределение промышленных рабочих России по их проживанию на предпринимательских или снимаемых и собственных квартирах в 1897-1918 годах. Для сравнения, в Центральном промышленном районе тех и других условий для проживания было, примерно, поровну. А всего, согласно данным источника, в 1897 г. почти две пятых промышленных рабочих России проживало при предприятиях.

***

Исследование в данной главе лежит в плоскости изучения и формирования промышленно-производственной, социально-бытовой и социально-культурной пространственной целостности России в ее естественном развитии и влияния народных, экономических традиций на формирование трудовых коллективов в рамках локальных крупных промышленных предприятий и их социально-бытовой инфраструктуры развитого, мирового уровня.

В первой части главы рассматриваются историография проблемы роста городов под влиянием развития промышленных факторов и проблемы взгляда исторической, философской, социологической отраслей наук на этот предмет в современный период; историография складывания предпосылок быстрого роста городов, начиная с середины XIX в.; историография складывания источников «история промышленности» и «история промышленных предприятий», и предпосылок разработки исторического источника «история заводов СССР» для выявления типа советского рабочего права и выявления исторического закона, трактуемого нами как «Закон исторического потенциала советского промышленного предприятия»; историография все большего признания роли социально-психологического фактора при изучении исторических явлений.

Во второй части главы дана верификация накопления опыта по сбору исторического источника – история промышленного предприятия СССР на примере изучения золотодобывающей промышленности Южного Урала, сделан акцент на условиях формирования в районах Южноуралья поселков и огородов, в том числе индустриального типа, на примере главных золотодобывающих районов - Миасского и Кочкарского районов, городов Миасс и Пласт (и других).

Проанализированы условия, как благоприятные, для слияния в Миасском районе в пространственную целостность всех географических, материальных, трудовых и жилищных ресурсов данного района с передовыми технико-технологическими и передовыми социально-бытовыми и социально-культурными, трудовыми ресурсами промышленного центра России – Москвы, во время эвакуации московских предприятий в 1941-1943 гг. Изучена история становления новых заводов, их развитие и образование нового города «Автозаводский

район» неподалеку от старого города «Миасский завод», слившихся после войны в единый современную столицу района -город Миасс. Проанализированы факторы градообразования, указаны на конкретные изменения в промышленной и социальной области в Миассе с середины XIX в. до начала Перестройки и заката СССР.

Для сравнительного анализа автором в данной работе и в других работах проанализирован фактор идентичности ряда важнейших признаков для понимания природы социализма, природы советского рабочего права и природы предполагаемого исторического закона, как на советском заводе, так и на советской фабрике, для чего была изучена история фабрики «Измайловская мануфактура» с середины XIX в. до 1991 г., указаны на важнейшие признаки идентичности заводского и фабричного производства, в т. ч. в социально-бытовой сфере, а также признаки, одинаково влиявшие на формирование в рабочей среде недовольства, энергии революционного движения.

Проанализировано превращение фабричного производства в заводское производство в рамках одного предприятия на примере истории Московского завода «Электропровод», в т. ч. как потребителя золотого сырья в пору становления, закономерности развития социально-бытовой инфраструктуры и строительством заводского жилья в советский период.

Рассмотрена также история Подмосковного Чеховского завода Энергетического машиностроения: его история в виде фабрики с середины XIX в. до 1941 г., его социально-бытовых условий до революции и после революции, а также грандиозные успехи в деле строительства собственного жилья завода в период 1945-1996 гг.. Указаны таблицы по введению объектов соцкультбыта и роль директоров промышленных предприятий в этом строительстве.

Приведены сведения из главы истории Чеховского машиностроительного завода «Гидро-сталь», в контексте того, какую огромную роль при формировании мощной, и даже всесоюзного значения, социально-бытовой инфраструктуры играла коллективная энергия, направленная на развитие соцкультбыта - инициатива, настойчивость отдельных групп простых людей, инженеров и рабочих, организовавших коллективное строительство городского стадиона, и инициатива и настойчивость директора, одного из прежних энтузиастов, добившегося выделения средств на возведение образцового санатория-профилактория в СССР.

На примере истории Московского завода ЖБИ №1, также изученной соискателем, в дальнейшем показана роль Н. С. Хрущева в ускорении решения проблемы доступного жилья и организации конвейерного домостроения с начала 1960-х гг.

Не лишней может явиться историография взгляда на роль жилищно-бытовых условий в трех плоскостях: с позиций марксизма-ленинизма, в т. ч. К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, современных, авторов, т. к. изучению вопроса «жилищно-бытовых условий» уделено много внимания в разной литературе; с позиций тех, кто считает что до революции не имелось «квартирного вопроса», и тех, кто сегодня рассматривает проблему «Доступного массового жилья» в постсоветский период.

Проанализирована обстановка со строительством жилья заводами в постсоветский период, сделаны выводы об исчезновении признаков действия типа советского рабочего права, его основополагающих видов, о прекращении действия Закона исторического потенциала промышленного предприятия СССР. Сделаны рекомендации, на основе выводов: в чем позитив опыта СССР по решению жилищных проблем, где и при каких условиях он может быть использован. В ряду причин, обуславливающих невозможность повторения опыта развития соцкультбыта в СССР вне системы социализма, - чрезмерный рост городов без недостаточного учета интересов сельского сектора страны, окончание притока ресурсов дешевой рабочей силы из сельского сектора на промышленные предприятия и в городские условия.

***

С тем, чтобы обозначить рамки исследования проблемы в данной главе укажем на два фактора, определивших крепость и крах социализма: условия для создания городов с высоко-

развитой социально-бытовой и социально-культурной инфраструктурой мирового уровня со времен индустриализации 1930-х г., с одной стороны, и перерасход дешевой рабочей силы, поступающего массовым потоком из сельского сектора для городских нужд, с другой.

Процесс индустриализации страны, интенсификации сельскохозяйственного производства и дальнейшего подъема экономики в годы советской власти с 1917 до 1987 годов, когда начался, на наш взгляд, переизбыточный для тех условий процесс «передемократизации» СССР, сопровождался интенсивным образованием новых городов, развитием и реконструкцией старых городов, их укреплением при одновременном снижении доли, а затем и численности сельского населения, главным образом в результате его миграции в города и на новостройки страны. Причем, в подавляющем большинстве случаев именно сельское население являлось той базой, на которой формировались трудовые ресурсы новых и старых городов на всех этапах социально-экономического развития страны, являвшейся до этого страной с ярко выраженным аграрным фактором. «К 1987 году, по сравнению с 1926 г. численность городского населения страны увеличилась более чем в 7 раз, тогда как сельское уменьшилось почти в 1,3 раза. Одновременно доля городского населения в общей численности населения увеличилась в 3,7 раза, а соответствующая доля сельского населения сократилась в 2,4 раза». Это объективно стало одной из главных причин краха социалистической системы хозяйствования, при которой город все время оставался большим должником перед деревней, оставляя возвращение главных долгов на завтра, которое не наступило, и в конце концов это привело и к кризису самих городов, промышленных развитых регионов, кризису экономики СССР, к необходимости ее социальной переориентации. Но это то, что лежит на поверхности. В глубине этого и кризис в социалистической истории, и исторический закон, который и выявляет негативное, и открывает путь к познанию нового, к новому, к благу России. Этот путь – прогресс. И мы доказываем это с вышеуказанной статистики и до выводов диссертации.

В условиях социальной переориентации экономики объективно предполагается выбор новых подходов в организации территориального управления социально-экономическими процессами. Расширение хозяйственной самостоятельности регионов, решение ими вопросов комплексного развития (своей!) территории во многом связано не только с функционированием социальной сферы, но и возможностями и спецификой ее вхождения в постсоветскую (рыночную) среду. Поэтому, «берясь за анализ углубляющихся неблагоприятных тенденций взаимоотношения производственного и социального, мы чувствуем необходимость, с одной стороны, по достоинству оценить пройденный нашей страной путь в досоветский период в социализме, ее естественнонаучные, экономические и социальные достижения, философско-теоретические наработки, а с другой, понимаем, что он не может рассматриваться без переосмысления достигнутого результата в современную эпоху», чтобы этот результат стал качественным в завтрашнем дне. Сегодня требуются качественные изменения всех звеньев управленческого механизма не только на федеральном, региональном уровне, уровне городского хозяйства, но прежде всего и на уровне социумов, образованных путем становления крупного, влияющего на обстановку, градоформирующего (каждого по отдельности) и градообразующего (вместе с другими городскими объектами соцкультбыта) предприятия.

«Считается, что социальные условия для перехода к экономическим методам хозяйствования (например, в виде соответствующей трудовой мотивации) существуют априори... Думается, что такой подход также упрощает комплекс вопросов обеспечения социальной направленности процессов...» - отмечают ученые. И они правы в той части, где надо заглянуть в глубины истории и в глубины человека, в ареал взаимоотношений коллектива устойчивой общности, имеющей мотивации и стимулы коллективного самоотверженного труда, при котором только и возможно складывание Закона советской эпохи – Закона проявления в процессе жизни трудовой ячейки ее потенциала производить и воспроизводить, наряду с выпуском основных видов продукции параллельно также и соцкультбыт и всю социально-культурную

сферу (включая и поддержку творческих личностей, художников, конструкторов, ученых, писателей и других) удовлетворительного, т. е. приемлемого, качества.

Несомненно, перестройка управления, планирование развития социального хозяйства на уровне промышленного города – процесс достаточно болезненный и сложный, поскольку на этом уровне тесно переплетаются задачи стратегического, планово-прогностического, тактического характера – отмечают другие, объясняя это, в частности, тем, что проникновение в проблему является сложной, многокритериальной задачей. И значит проблема – в методах решения этой задачи, точнее в нехватке методов, которые обеспечили бы их решение, устранили традиционную боязнь нового опыта в исторической науке, считая ее менее эффективной в эксперименте, чем в точных науках. Эксперимент возможен на локальном уровне, где можно смоделировать активность человека, опираясь на метод выявления мотивов и мотиваций. Считается, что стратегия активизации человека в среде производство – промышленно-социальный мегаполис – город обусловлена действием следующей группы факторов: экономического, политического, социального, безусловно, и психологического характера. С целью успешного решения этой задачи на основе комплексного, системного подходов изучается проблема как в целом, так и по отдельным факторам. Результатом исследования предполагается формализация установленных связей и моделирование механизма целенаправленного воздействия каждого из изучаемых факторов (в т. ч. на трудовую активность работника, на активность решения социальных проблем). «Однако наибольшую сложность вызывает изучение факторов, опосредованно влияющих на эту активность. Исследование механизма их действия требует разработки отдельного методического аппарата, учитывающего специфику этих факторов.

Одним из основных факторов такого типа, заключающих в себе другие факторы, и является развитие социальной инфраструктуры предприятий, исторически мощно влияющих на развитие районов городов промышленных районов и промышленных регионов. Начало изучению проблем заводской инфраструктуры было положено в эпоху, названную «эпохой развитого социализма», в 60-70-е годы, – в рамках разработки комплексных планов экономического и социального развития предприятий. И то, что именно в этот период – совсем не случайно. Как не случайно было и резкое снижение интереса вскоре после начала эксперимента, с середины 60-х гг. и в 70-е гг. Хотя развитие социального в промышленных образованиях уже давно обогнало развитие социального в адрес сферы трудовых коллективов и сферы города «из финансовых касс» властных городских и региональных структур.

Отдельными исследователями отмечается примерно следующее: «В условиях командно-административной системы и преобладания отраслевого управления местные советы народных депутатов не могли обеспечить комплексное развитие городов. В результате сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать как «кризис городов». Думается, очень ошибочное мнение, в том смысле, что роль в опережении или отставании социальной сферы, начиная с послевоенного периода в особенности, определяли, главным образом, отнюдь не местные Советы, а определяющие лицо города производственные предприятия (читай: те законы, тот большой набор видов советского рабочего права, которые позволяли двигаться социализму в ими же обозначенном русле).

У многих исследователей, – замечает Н. И. Феноменов, – отрасль социальной сферы рассматривается преимущественно с точки зрения использования общественных фондов потребления, а не с общих экономических позиций. Поэтому ими как бы не замечается того, что в действительности двигало жизнь огромного слоя социальных групп целые десятилетия, и успешно. Впрочем, и с чисто экономических позиций эта отрасль рассматриваться также не может. Поэтому всеми, кто стоял на крайних позициях, е замечалось того, что в условиях самодостаточности крупных, в смысле промышленного развития, городских образований, в целом их социальная сфера и их отраслевые системы обладали многими. Если не сказать, – почти всеми экономическими параметрами функционирования, свойственные любой хозяйственной

деятельности, и механизмами, позволяющими это сохранять. Предприятия, организации и учреждения социальной сферы хотя и не были представлены различными формами собственности (в том смысле, что собственность считалась государственной), хозяйственного управления (оно, якобы, осуществлялось со стороны центра, КПСС), но на деле, вольно или невольно, тяготела к самофинансированию, априори была на это ориентирована. Тем самым включалась в развивающиеся экономические отношения. А потому и экономическая, и правовая, и организационная формы деятельности все вместе не то что никак не могли являться второстепенными, но они были основными. Совсем не случайно промышленные поселения, образовавшиеся в результате командно-административного решения по строительству промышленных предприятий, в основном, в военный и послевоенный периоды ради обеспечения интересов обороны, вобрали в себя мини-модель общей хозяйственной модели страны, превращаясь в города. И наряду с производственным, в социально-бытовом и в социально-культурном плане именно таким городам, вобравшим в себя одновременно мощь промышленного производства и мощь социальных инфраструктур, стало принадлежать очень важное (если не сказать первостепенное) место в иерархической структуре общества. «Города – это как бы командный состав страны, организующий ее во всех отношениях – и в хозяйственном, и в политико-административном, и в культурном». И в хозяйственном здесь – это главное для городов, строивших свою судьбу, рассчитывавшим, главным образом, на собственные силы и на объединение сил предприятий-партнеров в рамках этих городов. Можно определенно сказать, что до реформы 1990-х гг. города России, СССР, благодаря функционирующим в них градообразующим предприятиям, постоянно как бы воспроизводящим, наряду с продукцией, свою социально-бытовую инфраструктуру, являлись самоорганизующимися, восстанавливающимися центрами, воспроизводящими в сфере воспроизводства продукции и социально-бытовую инфраструктуру (с успешным решением демографических вопросов), и трудовые ресурсы, в т. ч. с привлечением притока в свои цеха работников сельского сектора. Так, по данным переписи накануне реформ, в 1988 г. в городах Союза проживало 164,7 миллиона человек, или 57, 4 процента всего населения страны. И благосостояние каждой семьи ВТО время зависело, прежде всего, от социальных услуг предоставляющего рабочее место предприятия и организации.

Изучение этого процесса на конкретном примере не просто города, возникшего и развивавшегося в советскую эпоху, а города индустриального, «образцового социалистического», возникшего именно для целей производства материального продукта в больших объемах, для потребностей различных отраслей промышленности, всего народного хозяйства, позволяет накопить некий опыт, который оказывается полезным, во-первых, для изучения опыта развития других подобных социумов и, во-вторых, предоставляет важнейший материал для прогнозирования и планирования производственного и социального развития общностей по всей стране; в том числе и по социальным аспектам труда.

Этот прошлый опыт, по нашему мнению, должен пройти стадию превращения в исторический источник, как материал исследования для прогнозирования. Для повышения актуальности, т. е. вероятности познания истины в таких работах в новых условиях особую роль, несомненно, должны сыграть работы исследователей по социальным аспектам труда, которые помогают осуществлению социально-обоснованного прогнозирования, планирования и управления процессами межпрофессиональной динамики, социальной ориентации и т.п.. И такие работы есть.

Изучив опыт развития коллективов по самообеспечению в условиях социализма за счет притока дешевой рабочей силы из стран СНГ, способной быстро обучиться для работы на простых станках, мы можем адресовать этот опыт для решения двух задач: проблемы демографии России и укрепления ее мощи.

Вполне справедливо, что во многих трудах ученых так или иначе затрагиваются аспекты влияния социального развития на производственные. Но этого мало. Надо, чтобы и произ-

водственное влияние было столь активным на социальное, чтобы создавались условия производства первичного продукта (изделий) и вторичного продукта (соцкультбыта), причем если производство первого продукта может оставаться лишь социалистического уровня (удовлетворительного, хорошего, иногда отличного уровня), то производство соцкультбыта должно быть только мирового уровня, потому что в этих условиях промышленное предприятие кроме изделий и соцкультбыта производит и воспроизводит и деторождение, обеспечивает решение демографической задачи.

Выводим, что мотор социального внутри механизма предприятий оказался той движущей силой, которая, не будучи озвученной, явилась для главных стратегов управления социалистическим обществом «гениальным изобретением». Вне зависимости от взглядов, темперамента и т. д. она и продвигала, ступень за ступенью, социализм к необходимому «светлому будущему», пока на обычных предприятиях (помимо новых, построенных одновременно со своей необходимой социально-культурной инфраструктурой) не исчез широкий приток все менее многочисленной и все более разборчивой в выборе места работы дешевой рабочей силы «деревни».

Приходит понимание, что объективную оценку состояния дел, оптимальные перспективы развития сегодня может дать уже только самый глубокий анализ связи прошлый опыт – завтрашний день с включением множества аспектов, в том числе самых «свежих», связанных с общей задачей гармонизации отношений, складывающихся между составляющими ее социально-экономическими и природными подсистемами, с общей задачей оптимизации и устойчивого развития «общество-природа»; с решением т. н. глобальных проблем. Что ни говори, а мы живем в разгар тысячелетнего сдвига парадигмы. В этом отношении наше время не похоже на время Сократа или Декарта. Человеческое сознание уже изменяется, в большой степени и под влиянием первого кризиса «среды обитания». «На самом деле, настоящий этап мыслительного освоения действительности не предполагает системного образования более сложного, чем система «человек-природа». Но при постановке задач социально-экономического воздействия на среду обитания человека в обществе мы указываем. Что до сих пор казалось, что нет более сложного системного образования, чем сфера, чем «человек-сфера производства». Однако, полагаем, открытие совершено.

«Под подозрением оказались главные ценности западного мировоззрения: представления о человеческой исключительности, поставленности над природным миром, позволяющей хозяйничать в нем вне всякого морального контроля, и сам экстрактивный характер этого мировоззрения... В этих сложившихся условиях особенно важно усиливать способности государства организовать всеобщее наиболее эффективное и справедливое решение назревших сложных проблем. Важно показать людям, что наряду с декомпозицией проблем, подменой их частными задачами, разобщением людей – что ослабляет силы народа – необходимо совместное решение перспективных глобальных проблем». Одним их важнейших направлений является, если можно так сказать «социализация» идей, о том, что надо жить скромнее. Может, людям не свойственно ограничиться самым необходимым? Но не именно ли подобная идея десятки лет успешно гармонизировала фактор взаимоотношений внутри социализма СССР, сглаживало «противоречие» в восприятии фактора более сытой жизни западных стран? Общие усилия исследователей современной российской науки также дают результаты в попытках выдвинуть на первый план идеи ограничения, во всяком случае они видны в том, как они переосмысливают ценности социализма, негативное влияние «потребительских идей» либерализма. К счастью, сегодня многие способны также и признать, что заинтересованность человечества в сохранении целостности биосферы, среды обитания и их качественных параметров, в сохранении целостности сложившихся и эффективно функционирующих социумов, общностей и поддерживающих их функциональное развитие промышленных образований (предо-

ставляющих возможность приложения знаний и сил, заработка, развития личности) отнюдь не является категорией деклараций.

Но и сам процесс познания проблемы в целом можно рассматривать как моделирование определенных максимально полных, но и законченных в уточненных категориях, срезов реальной действительности, в т.ч. глубоко лежащей под поверхностью проблемы объекта исследования. Моделирование, различаемое в социальном и общем смысле, приобретает непревзойденное прогностическое значение при исследовании – от сложных систем до частного, и этому также посвящено много исследований. Вместе с тем поднято достаточно много вопросов по т. н. «проблемам», по «нововведениям» и т. п. и еще больше – по «социальному прогнозированию». Но, можно сказать, этих вопросов уже стало больше, чем самих проблем, вероятно от того, что надуманных факторов истории стало больше, чем было самой истории, и это большая проблема современной исторической науки.

Таким образом, сегодня в работах ученых, поднимающих указанные вопросы, далеко не все идеально и гладко. Противоречий больше, чем согласованности. И, значит, истина – она, как всегда в стороне. Конец этому положению дел в сфере «глобальных» исторических изысканий позволяет положить принятие на вооружение метода выявления конечных, максимально точных величин любых явлений, «атомов сущего», создание композиции, симфонии «истинности», как типа исторического источника из суммы многообразия видов такого источника для проведения анализа прогностного характера. Между потребностями в социальных прогнозах и реальном состоянии дел в развитии социального прогнозирования существует очень большой разрыв. «Связано это, по-видимому, – как указывают В. И. Паниотто, В. И. Закревская, А. В. Черноволентко, – с недостаточной оценкой значимости социальных процессов по сравнению с экономическими, с недооценкой потребности в социальной информации, с доминированием подхода, рассматривающего социальные факторы как средство достижения тех или иных экономических показателей». Авторы этой мысли не ошиблись бы, если бы дополнили, что социальное при социализме ярко служило, главным образом, средством достижения того же социального: воспроизводство помимо изделий, соцкультбыта и рабочей силы, как фактора социальной, материальной культуры. «...Существующая же социальная статистика весьма ограничена, а социологические исследования имеют преимущественно локальный характер и проводятся одноразово: нет даже единичных случаев проведения регулярных территориально-репрезентативных опросов для крупного региона, позволяющих получить информацию для прогнозирования социальных процессов» – говорят те же авторы. (Можно подчеркнуть, что эту проблему предвидели еще в начале 1930-х гг., когда рождалась идея создания института изучения проявления невиданной прежде энергии энтузиазма и самоотверженности рабочего класса, предполагалось, что рабочие будут писать свои истории и не вошедшие в книги источники материал представят собой обширный исследовательский материал для ученых).

И опять же трудно согласиться, что другой причиной этого «является несостоятельность традиционных средств прогнозирования основанных на экстраполяции, для разработки социальных прогнозов (известные ученые И. В. Бестужев-Лада, В. Н. Варыгин, В. А. Малахов, использующие эти методы для построения трендовых моделей, широко используемых в социальном прогнозировании. Конечно, можно согласиться, что «комплексный характер реальных социальных процессов, складывающихся под влиянием огромного числа взаимосвязанных факторов, сложные, нелинейные зависимости делают крайне ненадежными прогнозы, основанные на экстраполяции». Но эти, казалось бы, неутешительные, выводы – также знак желания поиска короткого ряда основополагающих явлений и процессов, в т. ч. в поле огромного ряда и в поле исчезновения границ ряда, превращения его в конечную единицу истинности. Но любая единица истинности есть часть модели, ее атом, и следовательно, прогнозирование есть продукт взаимосвязи этих атомов, ряд которых в построенной модели прогнозирования в любом случае достаточно длинен. Решение проблемы использования длинного ряда как мак-

симально упрощенной «единицы истинности» - в обозначении явления законом и его формулировкой. В ином случае истина бесконечно будет следовать параллельно с ее поиском, так как в нее заключено многообразие явлений, (как видов явлений в типе источника). Но надо следовать установке, что виды явлений объединены некоей закономерностью или типизацией, при выявлении типа видов явлений выявляется и некий процесс, который может изучаться как признак исторического или общесоциологического закона, или сам закон.

Возразить подобной точке зрения могла бы эмпирическая база исследований различных авторов. При подобном взгляде на проблему и экстраполяция способна сослужить большую службу, может, и гораздо более существенную, нежели использование выводов? Иных ученых, отрицающих в методах использования прогнозирования достаточно длинные динамические или статистические ряды, т. е. значения прогнозируемого признака в последовательные периоды времени. Хотя нельзя отрицать, что доказать это чрезвычайно сложно. Но эта сложность – одинаково относится к статистическим рядам любой величины. Известно, например, что сложность, связанную с влиянием наблюдателя на наблюдаемые явления, отмечал Н. Винер еще в 1947 г.: «...в общественных науках мы имеем дело с короткими статистическими рядами и не можем быть уверены, что значительная часть наблюдаемого нами не создана нами самими». Это верно, но опыт, позволяющий изучать большой ряд источников с короткими тематическими рядами специфических фактов, событий, явлений, и выделение суммы видов явлений в тип (процесс явлений) предполагает закономерность и некий закон.

Формулировка этого закона может быть задачей прогностического значения.

Принимая все это во внимание, разумеется, нельзя не признать, что экстраполяция – «распространение выводов, полученных из наблюдения над одной частью явления, на другую часть его» и «в статистике – распространение установленных в прошлом тенденций на будущий период во времени применяется для перспективных расчетов населения, как метод для оценки взаимосвязи производственного и социального в рассматриваемую эпоху социализма, является лишь одним из рычагов отстаивания позиций при получении прочной верификации, - иными словами, собственного опыта наблюдений и сравнений. Тем более, что рассматриваемый период дает как позитивный – успешный, так и негативный – приведший к краху – опыт развития страны при социализме. Правда, взгляд на причины развала социализма, к сожалению, в основном, сводится, примерно, к следующему: экономика СССР 50-х-60-х годов – это экономика, в которой хоть как-то обеспечивалась ориентация на развитие человека. Эти оптимальные шаги дали огромный всплеск научно-технического прогресса и экономической эффективности. Напротив, в эпоху «застоя» (конец 60-х – 70-е годы) общая стагнация и нарастание бюрократического подавления человеческой инициативы привели к тому. Что достижения научно-технического и гуманитарного прогресса консервировались и не внедрялись. Результат – деградация всех сфер общественной жизни, стагнация в экономике. Здесь, можем сказать, неудачное применение экстраполяции, наблюдение за неудавшейся горбачевской Перестройкой, неудавшимися экспериментами в либеральной среде России и перенос негативного ощущения в жизни на 70-е гг. как на период «застоя» т. к. возникла необходимость поиска причины негативного в сегодняшнем дне. В других выводах виновата вся система социализма. Здесь же неудачен анализ т. н. «стагнации», поскольку этому понятию предшествовало «деградация всех сфер общественной жизни», в то время как эта сфера прекрасно развивалась, сделав социализм СССР одним из самых влиятельных, авторитетных, во многом привлекательным явлением в мировой истории человечества, повлиявшим на ход мировой истории, на генерацию социальных факторов в западном мире и на новую философию отказа от потребительского отношения к жизни, перехода к миру с ограниченным потреблением. А влияние бюрократии здесь связано с подавлением человеческой инициативы, не заботясь проанализировать то,, что бюрократия была остро необходимой рабочему классу, и что влияние бюрократии с этой точки зрения можно рассматривать как явление (вид советского рабочего

права на бюрократический аппарат, на бюрократию), и лишь в условном обозначении как процесс, который в условиях советской волокиты, очередей и т. п. являлся, конечно, отрицательным явлением. Но отрицательным явлением в таком случае можно назвать и сам социализм, тогда как это исторический процесс, цементирующим началом которого являются его исторические законы. Законы включают в себя закономерности, процессы, явления, события, факты, и понимание их даже на стадии, когда не могут быть до конца научно обоснованы и сформулированы. Можно сослаться на высказанное К. Марксом, что история не чего не делает, а делают люди, творящие и осмысливающие ее. Поэтому законы это суть проявление человеческой деятельности под влиянием их оценки и реагирования на окружающую действительность в тот или иной отрезок истории так и никак иначе.

Под таким углом зрения изучение проблемы начинает приобретать все больше составляющих статистического ряда, но действительно трудно поддающейся анализу из-за разброса мнений, оценок, выводов, но наличие инструмента (сформулированного исторического закона) позволяет отсеять неистинность от истинности, определяя подлинность истинности и неистинности с огромной степенью достоверности. Представляется, что для реформаторов Перестройки 80-х гг. главная ошибка заключалась в том, что они не знали истинных законов социализма и потому, едва получив власть над обществом социализма, тут же и потеряли социальные ориентиры проводимых ими преобразований. А в период либеральных реформ на первый план для реформаторов вышел признак прочности, а не признак соединения социальной справедливости с экономической эффективностью реформ. Лозунг «Рынок любой ценой» оказался ничем не лучше первоначальной идеи достижения «светлого будущего» тоже любой ценой. Чем же отличается фантом рынка от фантома, скажем, социализма периода «военного коммунизма»?

Но понятие социализм – все же та величина, которая, если признать советскую власть не вполне удавшимся экспериментом социализма, т.е. признать истинным социализмом не то, что являла собой советская власть, способно объединить, на первый взгляд, непримиримых противников. Мы тем самым указываем, что практическое значение работы соискателя видится не только в предъявлении позитивного опыта социализма в СССР, но и негативного опыта в СССР, которые при слиянии не дают позитивного опыта социализма СССР, но дают опыт еще не обозначенного в России, кроме как «социализма», исторического процесса с 1917 по 1991 гг. – максимально эффективного процесса укрепления единения всего народа под лозунгом возможности строить «светлое будущее» сколь угодно долго при сознательном самоограничении потребления и при условии постоянного, ежедневно наблюдаемого воспроизводства социально-бытовой инфраструктуры мирового уровня ради воспроизводства будущих поколений.

Исторический опыт теории и практики управления экономикой развитых стран, признавших производительную природу вложений в социальную сферу, свидетельствует о высокой экономической продуктивности затрат на «человеческий капитал», с одной стороны, и о коллективистских методах решения этой проблемы, с другой, причем, не в поле социализма, но уже не совсем и в поле капитализма. Это было единственно продуктивным решением сложившегося мирового кризиса при появлении фактора социализма в СССР, являвшегося многократно беднее стран западного мира, в несколько раз менее малочисленное, но развивавшегося по закону исторического потенциала промышленного предприятия СССР, быстро сокращавшего разрыв в области накопления валового и материального продукта и даже перегнавшего по росту числа городов с полным набором известных в мире объектов социально-бытовой инфраструктуры. Для этого в СССР поступились качеством потребляемой продукции, свободой, но это и было платой за очевидные преимущества социализма.

Таким образом, продолжение попыток выявления мощных закономерных факторов, давших феномен «советского человека», феномен нескольких поколений таких людей не является позитивной или негативной оценкой социализма в СССР. Но в любом случае является необхо-

димым самое пристальное внимание к этому опыту, к тому, что предъявит точный анализ возможности существования социализма в СССР вне позорных факторов его существования. Вне системы социализма, разумеется, не может быть закона исторического потенциала промышленного предприятий СССР, но, может, имеется возможность для запуска механизма закона исторического потенциала промышленного предприятия, с учетом опыта в СССР, на локальных уровнях? С этой точки зрения, в решении проблемы придания экономическим реформам «человеческого лица» имеет важное значение, представляется, тот самый богатый отечественный опыт стратегического планирования и управления развитием социально-экономической сферы с учетом «психологии духа» заводского коллектива, на уровне отдельных предприятий, районов и городов. И не особенно важно то, что кого-то смущает то положение вещей, что этот опыт копился коллективно, на «коллективистских началах», потому что без трудовых отношений попросту нет движения вперед. Жизнь не коллективно, а врозь оказалось не лучшим выходом из создавшейся кризисной ситуации в стране, а теперь, возможно, и в мире, включая мир, тесно соседствующий с Россией, связанный с нею историческими корнями. Возможно, историческая миссия России, миссия России с лицом социализма СССР именно в том, чтобы подготовить, испытать модель будущего развития Евразийского пространства или, скажем, Российского евразийского государства (РЕГ). Возможно, новой «дешевой рабочей силой», как первая ступень к более дорогой рабочей силе, к более развитой коллективной личности, для притока в коллективы промышленных предприятий России является «аграрный класс» стран СНГ, и тогда важно не упустить возможность использовать эту силу, пока она является ориентированной на Россию и знает русский язык.

Как пишет известный ученый А. И. Кравченко, «Долгое время общественные науки прозябали в искусственно созданном мире идеальных конструкций. Философы и социологи не жалели бумаги для того, чтобы доказать истины, которые, как сейчас выясняется, были всего лишь вымыслом. К их числу относится тезис о том, что социализм всегда развивался на внутреннее присущих ему коллективистских началах... Однако на поверку... реальная, а не выдуманная трудовая организация при социализме в той же мере служила условием для всестороннего развития личности...» Это очень точное проникновение в суть социализма, опыт которого, вероятно, очень бы пригодился тем, кто сегодня, находясь на полуфеодальной стадии развития, где априори развиты коллективистские начала в трудовых отношениях, находится в стадии революционных поисков новых путей социально-экономического развития. Опыт социализма СССР в таких государствах, где нет возможностей поднимать экономику и одновременно строить города с развитой социально-бытовой инфраструктурой, может быть очень привлекателен.

Сегодня постсоветское общество не адекватно воспринимает литературу «застойного периода». Но без вычленения позитивного и акцентирования внимания на позитивном при разрушении старых мифов неизбежно рождаются новые мифы и в новых будет еще меньше правды, потому что на них наляжет и старая неправда. «Процесс переоценки ценностей несет в себе не только критическое начало. В принципе, он должен быть конструктивным, иначе вообще лишается смысла... трудно воздвигать новые стены согласованности на пустом месте. Там, где нет прочных научных традиций, проверенных теорий и достоверных эмпирических данных, очень сложно развивать социологию коллектива».

К счастью, мы не совсем лишены теоретического наследия, - восклицают оптимисты. - За последние сорок лет, когда социология получила официальный статус науки, удалось немало сделать. И под жестким идеологическим прессом серьезные ученые не забывали своего профессионального долга, по крупицам собирая достоверную информацию и создавая модели, объясняющие тот или иной фрагмент реальности. И пусть еще невелик фундамент истины, но они есть и его необходимо укреплять. Разрозненные куски, рано или поздно, суммируются в

обобщающую картину реальности. Отсюда ясно, что первый шаг – критический анализ добытого знания, отбор истинного, ценного.

Очень важно сделать и второй важный шаг: определить более ценным позитивное в истории и учиться не на ошибках, а на достижениях. Повторение вслух ошибок и превращение истории социализма в «манекен для битья» очень дорого обходится современникам, утратившим за четверть века многие великие завоевания СССР. Знание самого понятия предмета исследования предполагает анализ историографии истории, и если в этом знании превалирует негатив, оно становится все менее важным, потому что становится бессмысленным. Таким образом, в историографии важно различать позитивное и негативное знание, как объект исследования и как предмет познания истины. Если, с точки зрения социализма принять царизм как негатив, а с точки зрения постсоветского общества негативом принять советское, то мы должны определить и постсоветское общество как негатив с позиций будущих поколений. К счастью, и историческая наука не лишена важного наследия – всегда стремиться к объективности, хотя и ищет более легких путей познания истины на стыке т. н. «негативных» и «позитивных» эпох.

Поиск истинного лица социализма СССР в историческом градообразующем потенциале промышленных предприятий, включающем в себя в т. ч. социально-психологическую составляющую – советское рабочее право, как множество различных явлений, о которых не было принято вслух говорить и лишь почти тайком изучать, предполагает сегодня изучение их как видов выявленного нами отдельного типа исторического источника. Историография разработки этого исторического источника очень и очень невелика, в обнаженном виде в поле историографии ее не найти, но все же так или иначе она присутствует во всех работах «царских», «советских», «постсоветских» историков, в незначительной степени и в зарубежных, так как развитие социально-экономического за рубежом несет в себе совсем мало «русского видения» жизни и много неверного по теме «русской психологии». Любое историческое исследование, даже с самым критическим отношением к социализму, проведенное на местных источниках, несет в себе намного больше информации о советском рабочем праве, чем теоретическое где бы то ни было, потому что основанная на правде информация о негативе обязательно содержит в себе то, что мы называем составляющим видов и типа советского рабочего права – то, о чем при социализме громко вслух или через средства массовой информации заявлять не приветствовалось. С этой точки зрения, для глубокого познания природы советского рабочего права важны, в принципе, все отечественные исторические источники. Но делая акцент на особо важных сферах исследования, мы указываем на особую ценность исследований в области переосмысления позитивного и негативного в царскую и советскую эпоху: в промышленности, в социально-культурном пространстве, в области формирования особого типа психологии, а также и в области накопления исторических источников знаний об указанных объектах историографического исследования.

Важно подчеркнуть, что каждое из понятий в области историографии или исторических источников также так или иначе является отражением какого-либо из множества видов советского рабочего права. Например, понятие историографии «Сидоров П. Л. Некоторые проблемы развития российского капитализма в советской исторической науке» – есть кирпичик к построению детерминанта советского рабочего права на критический подход к проблемам капитализма. В этом виде советского рабочего права (в этом явлении, определяемом нами историческим источником) мы видим то, что декларировалось со стороны советское идеологии: «критиковать капитализм», и то, что мог знать о капитализме тот, кто пришел на советский завод, прожив достаточно долго при капитализме и с детства считал эталоном успеха представителя мелкой и средней буржуазии. Право разбогатеть до какого-то своего вероятного уровня является одним из самых значительных, первейших прав в области досоветского рабочего права, включая и всех пролетариев за рубежом. Таким образом противоречием является

то, что, с одной стороны, советский рабочий мог клеймить буржуазию, а, с другой, исследователь должен видеть, что видел, и о чем не говорил вслух, рабочий. Исследователь может разглядеть в этом и начало того водораздела, когда в область критики историографии властно пришло негативное начало. В практике первых пятилеток социализма этот заложенный в любого рабочего (в т.ч. бывшего крестьянина) с детства дух наживы («где бы пожить, чтобы прокормиться, а еще лучше удачу и враз бы разбогатеть») позволял мириться со всеми проявлениями коллективизма и советской идеологии под условие, что рабочему гарантируют социально-культурный быт, включая жилье. Рабочие писали свою историю, историю своего завода, отражая капиталистическое прошлое как негатив, и эта традиция сложилась не только в отношении рабочего класса, но и многих представителей науки. Но, получив власть, рабочие постарались тут же воспользоваться всей предоставленной властью, и в этом проявился их «буржуазный» характер, «буржуазное кредо»: жизнь принадлежит сильнейшим, быт принадлежит рабочим, дворцы – рабочим, царское золото – рабочим, а заводы рабочие захватили, как товар капитализма для превращения его в источник ежедневного извлечения прибыли и сверхприбыли, развития средств производства в новой формации, выпуска продукции и производства соцкультбыта мирового уровня. Можно развивать детерминант данного вида советского рабочего права на критический подход к проблемам капитализма, но для доказательства, что он также является явлением в жизни коллектива завода при СССР, приведенных аргументов, в контексте темы, полагаем, достаточно. Указывая же историографию проблемы, тем самым мы указываем на глубину всего масштаба проблемы, насколько может быть увлекательной для постсоветского историка работа по детальной разработке каждого из вдов советского рабочего права.

Переходя непосредственно к историографии общей темы социализма в объеме, необходимом для ознакомления с масштабом проблемы, мы подчеркнем: верификация изучения старой и современной историографии указывает, что наиболее легкий способ разработки радикальных концепций в истории традиционно лежит в сфере рассмотрения истории на грани двух веков – досоциалистической и социалистической и того выбора путей и методов разрешения противоречий российского общества, который был связан с революционными преобразованиями. Но при использовании метода проникновения в область рабочего права, например, и досоциалистического, мы можем, опираясь на достижения историков по царскому периоду (в т.ч. историков русского завода и русской фабрики, например, Туган-Барановского, Наумовой и др.) открыть истинное лицо, скажем, второй половины XIX в. путем вскрытия и детерминации множество видов нового типа права, как исторического источника, как посткрепостное рабочее право. На примерах истории многочисленных заводиков, ремесленных мастерских, фабрик и мануфактур, обнаруженных в различных первичных и вторичных источниках, можно составить большую сумму минимальных исторических единиц максимальной истинности – видов посткрепостного рабочего права. Сюда войдут все социально-психологические составляющие, от необходимости выживания в тех или иных условиях до понятий о благополучии, добре и зле, и понятий о тех или иных трудовых отношениях, в т.ч. между членами коллектива и между коллективом и работодателем (или инженером).

Полагаем, что такой подход может оказаться эффективным для любой эпохи, если выявить основную цель, дух поколения или ряда поколений в том или ином историческом отрезке времени. И тогда не придется пришивать заплатки уже изношенной эпохи к той, которая еще только развивалась. При этом, вероятно, соединение декларируемого властью и реальным содержанием самочувствия и реакции на декларируемое народом даст результат более позитивного свойства, чем негативного. Потому что жизнь каждого члена общества все же большей позитив, даже весь отрезок пути от рождения и до смерти отдельной общности, потому что в ней главные позитивные отношения, забота, надежда, любовь, а грех и отчаяние, как грех являлись хотя и одними из важнейших видами посткрепостного рабочего права (право на отчаяние, право на грех и т.д.), но опирались на главный закон – Евангельские заповеди и

мораль. Однако естественным будет изучение и таких видов данного типа права, как право на артель, право на хитрость, право на смекалку, право на одежду, право на ночлег, право на свободу передвижения, право на земство, право на коллективное хозяйство, право на недовольство хозяином, право на бунт, право на стачку, право на хозяйскую собственность, право на поджиг хозяйского добра, право на зависть, право на личный хлеб, право на выданье дочери замуж, право на топливо, право на лыко, право на знакомство со станком, право на работу за станком, право на станки с приводом от паровой тяги, право на электричество, право на электромоторы, право на приточную вентиляцию, право на торговлю, право на отхожий промысел, право на выкуп земли, право на русский капитализм, право на столыпинскую реформу, право на доброго царя, права на «немку-императрицу», право на поражение войны с Японией, права на большевиков, право на русско-германскую войну, право на марксизм, право на троцкизм, право на революционного вождя и т. д. - право на все то, что является средствами труда и средствами производства, коллективными отношениями данной исторической формации, и что более понятно историку данной формации, чем какому-либо другому. Этих видов указанного типа рабочего права может быть, приблизительно, конечное число, во всяком случае детерминация 500-1000 видов даст такую картину истинной реальности, от пересмотра которой по справедливости откажутся очень многие ученые, направив свои усилия на более эффективное вложение интеллектуального труда. Быть может главной задачей будущих историков окажется обучение на позитивных примерах прошлого, на это и будут затрачиваться главные силы, при этом любые негативные явления в реальности уже не будут восприниматься современным сознанием как нормальные.

(В данной главе далее рассмотрен опыт соискателя по выявлению позитивного градообразующего фактора – исторического потенциала промышленного предприятия – в XIX – XX вв., на примере развития золотодобывающей промышленности Южного Урала и фабричной промышленности в центре России).

В то же время сами революционные преобразования со второй половины 1980-х гг. и с начала 1990-х гг. формируют работы, в которых пересмотру подвергаются многие, ставшие уже «классическими» положения советской историографии в оценке характера развития российской экономики в XIX в., хотя в некоторых из них сохранилась верность традициям советской информационной теории. Представляет эта тема интерес и для зарубежных исследователей.

Рассматривая досоциалистическую и социалистическую эпохи мы с системным и, конечно, сравнительно историческим подходом делим эпохи на свои составляющие «под-эпохи», например, петровскую модель развития промышленности, протоиндустриальный, индустриальный периоды, период реформ, период конца XIX - начала XX вв., до 1917 г... В них мы выявляем как проблемы экономического, так и социокультурного развития.

В последние десятилетия после некоторого спада 1980-х гг. проявился большой интерес к фундаментальным проблемам экономического развития крепостной России, в т. ч. к процессам становления и развития отечественного капитализма, и важно отметить, что работы этого этапа характеризуются включением в глобальный контекст с широкими хронологическими рамками отходом от узко-экономического подхода и введением в анализ социокультурных параметров. (Несомненно, доказательства были бы более эффективны, если по XIX в. взять и «разработать» общность, более всего влияющую на исторические процессы. Не бесспорно, но можно двигаться и в этом направлении).

В этой связи для более глубокого изучения поднимаемых в диссертации проблем формирования градообразующего потенциала в коллективном производстве особо ценными являются работы с проведением комплексной характеристики облика городов, формировавшихся в том числе и как промышленные центры, с отражением в них основных параметров и экономического развития городов. В историографии непосредственно XIX в. очень важным является рассмотрение вопросов экономического развития России в контексте определения харак-

тера, уровня, перспектив эволюции мануфактурно-заводского и фабричного производства, а также состояния отдельных структурных элементов промышленности, выявление условий и факторов, детерминирующих развитие промышленности (в т. ч. в ведомственных журналах). Все это также важнейшие вопросы для понимания данной эпохи, как важнейшими являются аналогичные при анализе условий и факторов, детерминирующих явление видов советского рабочего права в условиях советской власти.

Ценным опытом исследователей, формирующим традиции в XIX в., является осуществление активного сбора статистических материалов, отражающих те или иные параметры экономического развития дореформенной России, и что особенно важно подчеркнуть - также составление обзорных трудов, с раскрытием динамики основных отраслей промышленности в 1850 - 1870 гг., размещение публикаций в периодической печати статей по истории, металлургической и др. главных отраслей промышленности. Работы отдельных авторов и особенно М. И. Туган-Барановского отличаются наиболее содержательным исследованием экономического, в том числе индустриальных процессов, определяя направления научных изысканий в этой области на несколько десятилетий вперед и своими идеями привлекая историков-экономистов до сих пор. Очень важным для понимания роли и работы госучреждений, хозяйственно-управленческих и экономических институтов России являются публикации по вопросам государственной промышленной политики. Несомненно вновь становятся наиболее актуальными обзорно-обобщающие труды историков-экономистов, посвященные анализу закономерностей развития как дореформенной, так и дореволюционной экономической системы. В этом контексте на первый план, очевидно, должна быть выдвинута и тема по рабочему вопросу, «рабочая тема», складывания, формирования рабочих коллективов и коллективного рабочего самосознания, и это находит отражение во многих историографических источниках, включая и анализ теории марксизма.

Рабочая тема в досоветскую эпоху напрямую связана с темой предпринимательства, трудовой мотивации русского предпринимателя в условиях российской действительности, а также с темой промышленного права, законодательств, с особенностями проведения государственной политики в промышленной сфере. В советских исследованиях (с 20-х по 50-е гг.) предпринималась в рамках советской историографии промышленности попытка обобщить первые труды по определению производственно-отраслевой специфики промышленного развития России в XIX в. Выявляются детерминирующие промышленное развитие факторы, в частности, природно-географической среды, социально-демографической ситуации и другое. В то же время появились работы, отражающие взаимодействия результативности промышленного развития России с другими отраслями народного хозяйства, прежде всего, с аграрной средой, денежной и кредитно-финансовой системой, а также от развития инфраструктуры и транспорта, эти работы дали возможность отразить указанные параметры и выявить их влияние на индустриальные процессы в российских рамках.

Представляется не случайным, что в 1940—1950-е гг. велась наиболее активная работа в области индустриального развития при отражении проблем изучения промышленности всей России в целом и ее отдельных регионов в частности, в т. ч. при совмещении индустриальных и социальных факторов. Такой интерес к данной теме по XIX в. становится, несомненно, следствием достижения высочайших результатов в военный и послевоенный период в сфере формирования и роста числа новых сильных промышленных центров, промышленных городов, возникающих на базе нескольких крупных и средних (градообразующих) предприятий. Как не случайно, видимо, и то что в последующий советский период, в 60-е, 70-е гг. в литературе по-прежнему, уже традиционно и закономерно, сохраняется преобладание региональных исследований, базирующихся на местном материале, несомненно и историях предприятий.

Можно отметить, что при образовании промышленных инфраструктур в рамках обозначаемых городов в советский период лицо будущего города возле завода (заводов) должно

было представить как «рабочие микрорайоны» жилых домов, так и вся необходимая инфраструктура бытовой и торговой сети, так сказать, аналог рынка услуг как крупных предпринимателей, так и мелких, частных. В этом контексте региональные работы по досоветскому периоду «важны в плане предоставления данных о соотношении между крупнокапиталистической и мелкой промышленностью, включающей как начальные формы капитализма, так и формы простого товарного производства. Все это еще раз подтверждает естественность процесса развития капитализма, выявляет его подпочву, опровергает утверждение о преимущественном насаждении капитализма сверху». И, значит, это ведет к поиску и анализу исторического потенциала российского промышленного предприятия. В рамках исследований в этом направлении важно акцентировать внимание на процессах развития промышленного капитализма как в ширь, так и вглубь. Это выражалось (в том, что позднее, по аналогии, выразится и в условиях СССР): в динамичности развития новых промышленных регионов, возникновении там крупнокапиталистической промышленности в капитализации сельского хозяйства, проявлении тенденций акционирования (В СССР, к примеру, – совместное решение заводами одного города задач по улучшению социальной инфраструктуры, совместному пользованию объектами соцкультбыта, как и решению в рамках временной или долгосрочной кооперации промышленных задач, задач экологии, транспорта, дорожного строительства и пр.) и формирования региональных монополий, в усиливающейся роли банков, наконец. В возникновении промышленных центров, которые играли все более важную роль в общероссийском производстве. Оценивая значение подобных центров, Л. Н. Колосов точно замечает: «Из таких центров, разбросанных по всей России, и складывался тот средний уровень развития капитализма, вполне достаточный, чтобы на его базе создать впоследствии социалистическую индустрию. Это была одна из материальных предпосылок будущего социалистического общества». Еще более конкретизирует свое видение исторического (т. е. градоформирующего) потенциала промышленного предприятия в России вообще Воронкова?: «В то же время нельзя не отметить, что исследователи не всегда методически и исторически верно оценивают распространение мелкой промышленности в районах и регионах, имеет место склонность к излишнему разграничению этой формы от общего развития крупнокапиталистической промышленности. Не всегда выясняются два момента: во-первых, капиталистический характер кустарных промыслов и вообще мелкой промышленности, во-вторых, их развитие под воздействием распространяющейся фабрично-заводской промышленности».

Глава 2

Взгляд на развитие досоветского промышленного предприятия

(Потенциал советского рабочего права

в недрах развития крестьянского, промышленного, фабричного, банковского и др. видах естественного права)

В истории необходимо искать истоки потенциала закона, движущего ее эпоху, для чего необходимо изучение ее наиболее очевидных естественных и, словно бы, подсказанных и указанных ею производительных сил и, следовательно, их естественного исторического потенциала. В частности, мы вскрываем глобальную взаимосвязь мелкого артельного золотодобычного промысла и влияние на него крупного капитала могущественных заводчиков-акционеров, а также и развития мелких поселений различного типа и промышленных центров на Южном Урале, как естественную взаимосвязь естественных процессов капитализации, ведущей к все большему слиянию и укрупнению мелких кустарей-одиночек и артелей, т. е. «естественно-буржуазных» или «естественно-капиталистических» общностей до образования искусственно

созданных общностей производственных коллективов, объединенных триединой волей: нуждой рабочего (вчерашнего крестьянина) в работе и в быте, планами хозяина или хозяев-акционеров завода или фабрики и потребностями государства. Это нами указанное триединство мы рассматриваем как естественно сформированный, с одной стороны, и искусственно сформированный, с другой стороны исторический потенциал крупного и среднего промышленного предприятия, и этот потенциал получил свойство дальнейшего развития путем формирования в рамках созданной естественно-искусственной общности, завода или фабрики, трудовых отношений, в т. ч. складывания традиций, привычек, норм, условностей, включая условное или формальное принятие норм и правил, не соответствующих реалиям для их выполнения.

Напомним, в этой связи, что В. И. Ленин критиковал либеральных народников, с одной стороны, за то, что «кустарная промышленность» рассматривалась как нечто экономически однородное, само себе равное», а с другой стороны, «противополагалась /sic/ «капитализму», под которым, без дальнейших околичностей, разумели «фабрично-заводскую» промышленность». Он отмечал, что в России нельзя найти «такую мало-мальски развитую отрасль кустарной промышленности, которая бы не была организована капиталистически». В данном замечании мы можем увидеть возможность выявления в эпохе досоветского капитализма нового типа права, как исторического процесса, а именно капиталистического рабочего права, и в нем многообразных, сотен видов (или исторических явлений) данного типа права.

Таким образом помимо после реформенного крестьянско-рабочего типа права (как исторического процесса) с его многообразием, сотнями видов (исторических явлений) права на вооружение исследователей, как исторический источник второй половины XIX – начала XX вв. появляется и капиталистическое рабочее право.

При этом нет сомнений, что в поле поиска «русской правды» XIX-XX вв. будут проанализированы многие аналогии, что, вероятно, может создать необходимость перекрещивания научных изыскания в области детерминации всех трех типов разработанных и рекомендованных в рамках данной диссертации рабочего права в России с периода реформ 1961 г. Сформулируем конкретнее эти типы прав как специфические исторические процессы в рамках производственной и социально-бытовой психологии: это пореформенное крестьянско-рабочее право, действующее в рамках «естественно-буржуазной», т. е. с правом на недвижимость, землю, орудия труда или «естественно-капиталистической», т. е. с правом на недвижимость, землю, орудия труда и совместные средства производства общностей. Это капиталистическое рабочее право, действующее в рамках естественно-искусственно сформированной общности (нужда, план хозяев, потребности государства). И советское рабочее право, действующее в ограниченных рамках ресурсов социализма в условиях государственного промышленного предприятия.

Всех их объединяет, по крайней мере, то общее, что каждый тип рабочего права является процессом в рамках имеющей свои ресурсы социально-экономической формации: это крестьянские, сельские, земские ресурсы, составляющие часть исторического потенциала (градообразующего потенциала) промышленного предприятия России и СССР. Можно упомянуть и следующее, подчеркнутое В. И. Лениным «...с чисто теоретической точки зрения, нельзя сказать, чтобы в развивающемся капиталистическом обществе непременно и всегда должно было происходить сокращение числа промышленных заведений, ибо наряду с процессом концентрации промышленности идет процесс отвлечения от земледелия, процесс роста мелких промышленных заведений в отсталых частях страны вследствие разложения полунатурального крестьянского хозяйства и т. д.» Все это позволяет говорить, что «один из самых нелепых и вредных предрассудков» состоит в утверждении противоположности русской «кустарной» и «фабрично-заводской» промышленности, «об оторванности второй от первой», «об искусственности» «фабрично-заводской» промышленности и т.п. И далее В. И. Ленин пишет,

что имеющиеся данные «по всем отраслям промышленности показывают самую неразрывную связь между «кустарной» и «фабрично-заводской» промышленностью».

Очень важна историография проблемы потребностей государства и планирования производства и торговли предпринимателей, складывания на этой основе финансовой системы, банков. В историографии отражены важные наблюдения о процессах промышленного развития России в работах по торгово-промышленной политике царизма, формированию финансового капитала и государственно-монополистического капитализма.

Труды авторов В. И. Бовыкина, В. Я. Лаверычева, Л. Е. Шепелева базируются на комплексном исследовании многообразных форм делопроизводственной документации, последовательном обращении к материалам периодической печати, использовались и статистические источники...

Обращение к источниковедению, к первичным источникам, как одному из основных инструментов выявления исторической правды о дореволюционной России сослужило добрую службу не только отечественным ученым. Расширение круга изучаемых источников при разработке проблемы промышленного развития и методов их использования привело к несомненному пересмотру оценок уровня особенностей промышленного развития России в начале XX в. в зарубежной историографии.

Использование массовых источников в исторических исследованиях, глубокое проникновение в их природу в условия их образования, сознательное приближение ко времени их формирования, рассмотрение в этой массе отдельного человека, с его запросами, заботами о хлебе насущном, о развитии его семьи позволило современным исследователям отказаться от утвержденных в исторической науке и в историко-экономических исследованиях принципов формационного подхода. В нем до сих пор видится главная проблема современной исторической науки, поставившей в советское время классовый подход на место социально-психологического подхода, учитывающего традиционные, «естественно-частные», «естественно-буржуазные», «естественно-капиталистические», «искусственно-капиталистические» и пр. естественные нравственно-этические ценности. И эта позиция выражалась в жестких установках, например: «Классовая борьба на предприятии и вокруг него во всех ее проявлениях, анализ ее форм и содержания, выяснение причин и характера ее развития – вот в общей форме содержание каждой будущей монографии по истории завода».

Однако в коллективах промышленных предприятий СССР и эту установку, «искусственную» «декларацию» государственной власти приняли весьма условно, со своими существенными поправками. Это указывает на ту сильную связь, объединяющую все типы рабочего права в России, условно назовем ее «частное крестьянско-рабочее право», которая не позволяла и при советской власти отказаться от нее. Не случайно после совершения революции 1917 г. еще ряд лет новая, советская традиция исторической науки продолжала проявлять устойчивый интерес исследователей к работам «старой» русской исторической экономической школы. Особой популярностью пользовался неоднократно переиздававшийся труд М. И. Туган-Барановского, об этом свидетельствует и издание «Русская фабрика в прошлом по М. Туган-Барановскому» в популярном изложении М. Левина. Пособие для партийных школ и самообразования». /П. :Политический Отдел – армии, 1920/.

Очень важно отметить, что в то же время формируется исследование социальной составляющей промышленного развития, уже как отдельное историографическое направление, думается, в результате поиска альтернативы коммунистической идее об отдельном строительстве особых городов-коммун с роденовскими статуями. В 1921 году при Петроградском совете профсоюзов была создана Ученая комиссия по исследованию истории труда в России, вопросов истории промышленности, формирования рабочего класса и рабочего движения. Она издала целую серию журнальных сборников, выходивших в 1921-1923 гг. /»Архив истории труда в России»/ и в 1924-1925 гг. – «Труд в России». В то же время, что касается организации

промышленности, то рассматривались в основном вопросы формирования промышленного пролетариата и развития рабочего движения, что, как тогда справедливо считалось, впоследствии станет традицией. Но здесь надо указать, что это стало традицией без учета огромной суммы явлений, формирующихся в области советского рабочего права, во всяком случае без их отражения в историографии, что, впрочем, одно и то же. В результате историческая наука в СССР не получила подлинной обобщенной истории советского промышленного предприятия.

В дальнейшем в советской историографии «искусственно» сужалась предметная область социальной структуры промышленности, в результате чего, признают ученые, многие важные вопросы остались неизученными. В их числе и поднятый в диссертации «вопрос» о скрытых механизмах социализма, позволявших ему в полной мере использовать свой ресурс, о Законе исторического потенциала промышленного предприятия СССР, о процессе советского рабочего права как сумме огромного числа исторических явлений, проявлявших себя в синтезе естественных и искусственных, насаждаемых во второй половине XIX в. – начале XX в. типов и видов рабочего права, выраженных советским историческим процессом противопоставления властям «третейского» продукта заводов – массы исторических явления под лозунгом выборочного исполнения правовых законов и трудовых кодексов.

На протяжении многих десятилетий вопросы промышленного развития России на рубеже XIX-XX вв. рассматривались в советской исторической литературе в контексте разработки проблем экономических предпосылок Октября. Ее историография в силу этого обстоятельства неизбежно отразила разработку истории досоветской российской промышленности. Начиная с конца 1920-х гг. стало заметным распространение работ, в которых преобладал ретроспективный анализ истории отечественной промышленности на рубеже веков, а число собственно исторических исследований среди них долгое время было невелико: преобладали обобщающие историко-экономические исследования, труды по истории отдельных отраслей промышленности, рассматривавшие эту проблему нередко с точки зрения истории техники.

В аспекте изучаемой темы влияния факторов пространственной целостности промышленности России в XIX-XX вв. на формирование крупных коллективов градообразующих предприятий в советский период и механизма выявления Закона исторического потенциала промышленного предприятия СССР, нам особенно важно еще раз подчеркнуть влияние на выявление этого закона всей суммы познаний в русской и советской историографии, традиций русского и отечественного источниковедения, но также – в отдельности – и такого явления, как труд по истории фабрики и завода. Книга по истории промышленного предприятия в отдельных случаях рассматривается как явление историографии, а вместе с тем она признается нами как явление нового источника исторических знаний.

Полагаем, подлинной историографии отрасли изучения и всестороннего анализа данного вида источника, как вторичного источника и суммы первичных тематических источников, заключенных в нем, пока еще не сформировалось. Это может быть признано, на наш взгляд, только при рассмотрении истории заводов и фабрик в подлинных явлениях, в видах советского рабочего права, на что направлено исследование данной диссертации. Но в таком случае необходимо знать историографию предпосылок складывания самого такого источника, как книга по истории и заводе монографического или очеркового научно-художественного типа, т. е. с большей долей естественного домысла. И это очень важно, чтобы глубже освоить язык понятий изучаемых эпох на рубеже веков, которыми мы оперируем в области необходимости детерминации всех видов досоветского и советского (и досоветского) рабочего права. (Можно отдельно отметить, что предпосылкой революции являлась и историография науки, сведения, без чего было бы бессмысленно браться за революцию).

Традиция формирования такого рода источников складывалась с конца XIX в. «Исследования по истории российской промышленности, появлявшиеся с конца XIX в. и вплоть до конца 20-х годов XX в., принадлежали не столько историкам, сколько практикам, связанным

с той или иной областью хозяйственной деятельности, государственного управления, определения перспектив развития отдельных отраслей промышленности ее центров, регионов и т. д. Нередко эти труды представляли обзор, сводку информации, подготовленную к неординарному мероприятию (выставки, юбилеи), что позволяет отнести их скорее к источникам по теме, чем к явлениям историографии»- замечает автор работы С. В. Воронкова. То же самое мы зачастую наблюдаем при мотивации создания отдельного труда по истории предприятия. (Соискателем писались книги и не в связи с юбилеем организации, хотя труд заранее посвящался круглой /округленной/ дате, важному событию).

Выявляя исторический механизм формирования трудовой летописи промышленного предприятия, мы подразумеваем под ним воздействие бурного развития российской промышленности, в результате чего эти источники претерпевали свое информативное развитие. Автор работы «Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения» С. В. Воронкова отмечает: «В системе исторических материалов, лежащих в основе изучения различных сторон индустриального развития России, выделяются следующие документальные комплексы: фабрично-заводское законодательство; коммерческие частные акты; делопроизводство, складывающееся в процессе хозяйствования деятельности экономических структур; периодическая печать; промышленная статистика; справочно-информационные издания». Конечно, исследование промышленности и промышленной политики не обходится без привлечения документов предпринимательских организаций буржуазии, мемуаров, экономической литературы, публицистики и других видов источников. Однако указанные выше комплексы наиболее последовательно отражают, с одной стороны, условия функционирования промышленности (фабрично-заводское законодательство), а с другой – повседневную деятельность промышленных предприятий, ее формы, направления (акты, периодика, делопроизводство) и результаты развития производства (статистика, справочники), - замечено в работах автора.

Также особенно важно подчеркнуть, что в рамках экономической статистики шло формирование промышленной статистики, которая имеет предметом своего изучения происходящие в промышленности процессы, а также их закономерности и взаимосвязи, что становится большим шагом к формированию методов создания трудов, как жанра со сложными признаками взаимосвязи производственного, социального и социально-психологического факторов. Промышленной статистикой разрабатывается система показателей, характеризующих такие стороны промышленного производства в стране, как число предприятий и количество занятых в них рабочих, а также типы двигателей, их количество, мощность, применяемые механизмы количество и стоимость использования сырья, топлива, расходы на заработную плату, количество и стоимость произведенной продукции и так далее. То есть все то, что сегодня является предметом обязательного рассмотрения и изучения автора книги по истории любого промышленного предприятия. Может ли быть детерминация этих понятий? Попробуем. Советское рабочее право свою отрасль производства; рабочее право на рабочий класс; рабочее право на средства производства; рабочее право на использование электродвигателей; рабочее право на техническое оснащение цеха (завода); рабочее право на прогрессивное оборудование; рабочее право на поставку сырья, материалов и комплектующих (в т. ч. все по отдельности); рабочее право на обеспечение теплом, электроэнергией, топливом, паром, эмульсией (в т. ч. по отдельности); рабочее право на экономию металла, электроэнергии, пара, мазута и т. п.; рабочее право на рентабельную работу, на стабильную зарплату и другое.

Каждый из данных видов советского рабочего права обогащался взаимодействием и все более тесным взаимодействием с другими видами советского рабочего права по мере усложнения производства и усложнения производственных, трудовых отношений, по мере увеличения реальных (правовых) прав и прав, берущих «без спроса» самими рабочими, делая их «правовыми» с точки зрения того, что работодатель (государство) сделает вид, что не замечает «проказ» и «самовольства» в трудовых коллективах промышленных предприятий. Любо-

пытно, что в условиях советского завода в «естественно-искусственно» созданном трудовом коллективе официальные «искусственные» правовые нормы работодатель декларирует как «естественные» и необходимые, а устанавливаемые «самовольством» коллектива нормы поведения и отношений как «искусственные», тогда как официальные правовые нормы в коллективах воспринимаются как «искусственные», а свои, как «естественные». Причем, понятия «в коллективах приняты» или «коллективом приняты» разнятся потому. Что «коллективом» на собрании (как явлении) официально принимаются все без исключения правовые нормы, спускаемые «сверху», а в коллективе же, в коллективных трудовых отношениях, как в процессе, нормы и правила исполняются не в точности и не всецело, исходя из тех или иных обстоятельств, ради точного выполнения главной цели: выдачи продукции определенного качества в определенный срок.

Каждый из указанных выше видов советского рабочего права в контексте истории предприятия чрезвычайно интересен. Вся история предприятия – это набор определенных технико-технологических операций, профессиональных действий, коллективных и коллективно-административных отношений, от экономии металла, наличия смазочно-охлаждающей эмульсии в металлорежущем станке до многочисленных аспектов, связанных с регулированием сферы заработной платы или рентабельностью предприятия. В истории предприятий очень много начинаний связанных с экономией металла, других материалов, включающих в себя списки мероприятий, каждое из которых также важно и по своему очень интересно (от рационализации за рабочим местом до разработок новых технологий производства, использования новых материалов и увеличения ресурса работы готовых изделий; а также для освобождения от иностранной зависимости по закупкам остродефицитных материалов за валюту; для выполнения особо важных заданий обороны и пр. История заводов в военный период указывает на трудные условия запуска станков эвакуированных цехов под открытым небом, в морозы, когда в станках замерзала эмульсия и станки обогревали, разжигая прямо в цехах костры; без электричества работали под светом карбидных ламп и пр. В истории предприятий многие начинания были связаны с увеличением заработной платы, со снижениями расценок, с внедрением различных форм оплаты труда ит.п. Все они на разных этапах истории социализма являются одними из главных показателей уровня труда, производства рабочего сознания, планов и методов управления со стороны государства, ЦК КПСС. Работа, направленная на рентабельность, также имела свои последствия для многих сторон в жизни коллективов, этому посвящены отдельные главы в истории заводов, в т.ч. курс на достижение рентабельности в послевоенные сороковые годы, или укрепление рентабельности при курсе на экономическое стимулирование во второй половине 60-х гг. и т.д. Все виды советского рабочего права имеют положительный и относительно отрицательный заряды, отражающиеся в противоречиях явлений исторического процесса.

На значительное отличие форм средств производства и производственных отношений в конце XIX в. и в начале XX в. указывает следующее обстоятельство: если в статистике промышленного производства во второй половине XIX в., тесно связанной с дореформенной эпохой, присущи формы текущего статистического учета, осуществляемого различными государственными учреждениями, то в начале XX в. преобладали методы переписей уже «непосредственных обследований» промышленности, предприятий.

Таким образом, мы можем зафиксировать еще одну существенную составляющую исторического потенциала промышленного предприятия СССР – наличие информации о всех видах ресурсов, трудовых отношений и даже об особых смысловых и языковых, в т. ч. числовых и прочих знаковых аналитических понятий в этих сферах для ускорения принятия государственных решений. В эти понятия должны входить и выявленные «фискальным» путем, обозначаемые нами как «фискальные понятия», являющиеся составляющим исторического потенциала СССР. Мы говорим фискальные, потому что рождаемые в недрах трудовых кол-

лективов в период капитализма свои особые привычки, нормы, условности, не во всем совпадающие с правовыми намерениями законодательств о труде, т. е. противодействие намерению властей, в то время не считались и, возможно, не являлись составляющими исторического закона, как это проявилось, когда рабочие перестали быть товаром, а объектами воспроизводства стали ими созданные особые трудовые отношения и их заводы с потенциалом градообразования, дающем для достойной жизни практически все.

И, таким образом, мы указываем на историческое явление в поле процесса противопоставления декларируемому и реальным предпосылкам исполнения, как на исторический «фискальный источник», который безусловно учитывался на правительственном уровне, так как являлся ни чем иным как отражением настроения, чувств, намерений, ощущений реальной обстановки реально формирующейся силы, класса с еще неведомым историческим потенциалом.

С тех пор все виды источников должны были так или иначе учитывать это, хотя бы и в скрытой форме, опять же, из своих идеологических, морально-этических соображений, не могущих смириться, что в России действительно может скопиться сила, равная, например, силе Французской революции или той, которая согласно марксовской теории, способна предъявить свои права владельцам предприятий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.